

РЕЦЕНЗИЯ:

З.Я. ТУРАЕВА. ОТ МАСТЕРСТВА ПИСАТЕЛЯ К ОТКРЫТИЯМ ЧИТАТЕЛЯ. В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ ТЕКСТА. М.: URSS, 2016

В кругу современных гуманитарных дисциплин место текста определяется достаточно отчетливо: текст относят к ключевым понятиям культуры и актуальным объектам исследования. Гуманитарная мысль XX в., объявив антропоцентризм философским мировоззренческим принципом, а коммуникацию и диалог фундаментальными философскими категориями, закономерно обратилась к антропоцентричному тексту, «событие жизни» которого, по словам М. Бахтина, всегда совершается на рубеже двух сознаний.

В процессе осмысления этого сложного и многомерного события лингвистика текста эволюционировала от формальных устремлений к когнитивно-коммуникативным текстовым моделям. Концептуальные и методологические установки, которыми она руководствуется сегодня, несмотря на многообразие, отражают антропоориентированность и интерпретативный характер современного познания.

Текст признается способом объективации картины мира автора как языковой личности и лингвокреативного субъекта, эффективным средством воздействия на картину мира *Другого* с целью ее трансформации в направлении авторской мирооценки. Для определения истинности любых знаний о тексте, порождаемом и воспринимаемом когнитивными субъектами и литературными коммуникантами, текст встраивается исследователем в экстралингвистический (историко-социокультурный) контекст как целостную структуру знания. Взаимосвязи текста и литературных коммуникантов, текста и меняющегося контекста изучаются, таким образом, с позиции тех холистических тенденций, которые наблюдаются в современной науке в целом. Не ограничиваясь рамками «узких» научных интересов, лингвистика текста преодолевает монодисциплинарность, объединяет усилия с иными научными сообществами, то есть демонстрирует экспансию лингвистики, которую относят к парадигмальным характеристикам современной науки (Е.С. Кубрякова).

С обозначенных концептуально-методологических позиций написана и эти позиции проясняет новая книга З.Я. Тураевой, классика отечественной филологии и автора книг, образующих ее золотой фонд. Название книги — «От мастерства писателя к открытиям читателя», указывая на субъектность современных стилей научного мышления, напоминает и о том, что «распределение прав» между автором, читателем и текстом сегодня складывается скорее «в пользу» читателя, который, в отличие от «уже сказавшего слово» автора, реализует свое действенное начало в каждой новой интерпретации текста.

В аннотации к книге З.Я. Тураева ограничивает предмет исследования «некоторыми актуальными вопросами гуманитарного знания на рубеже тысячелетий», однако, как позже убеждается читатель, круг этих вопросов оказывается широким, а ответы на них, представленные в 12 главах книги, демонстрируют не только целостность авторских взглядов на текст, но эволюцию авторской исследовательской позиции, неизбежную в условиях динамики социума и науки.

Глава 1 «Модели связного текста» акцентирует органичность включения лингвистики текста в когнитивную парадигму междисциплинарных исследований. Диалектическое понимание предмета исследования и уважение принципов преемственности научного знания, характеризующие книгу в целом, заставляют автора, не преуменьшая важности структурных подходов к тексту (первые

структурные модели текста связываются автором с именами Платона и Аристотеля), отметить как важную и закономерную смену вех обретение науками о тесте антропомерного характера.

Авторская классификация текстовых моделей, которую З.Я. Тураева справедливо объявляет нежесткой (8), включает статические, динамические, структурные и стратегические модели. Если статические и близкие им по природе структурные модели текста ориентируют исследователя на само сообщение, синтагматику текста и его организацию (с. 8—9), то динамические (ассоциативные) модели текста ориентированы на получателя, идеи открытости и парадигматику текста, заставляя видеть в тексте социальное событие, они могут иметь, как это, например, присуще стратегической динамической модели ван Дейка, разнообразные человекомерные основания: контекстуальные, прагматические, ситуационные. Вывод автора о необходимости «совмещения системно-структурного и социально-когнитивного подхода» ориентирует исследователя на выстраивание корреляций между структурными и интерпретативными параметрами текста и представляет очевидную концептуальную значимость в современную нам эпоху бума рецепционистских теорий теста и активно обсуждающейся проблемой гиперинтерпретации.

Тысячелетние опыты творческой фантазии обращают исследователя к природе, механизмам и генезису «главного органа интеллекта» — воображения (Ортега-и-Гассет) и связанного с ним авторского вымысла. Уже в первой главе, говоря о «знаках вымысла», «знаках условности» как части более широкой проблемы игры с иллюзией реальности или отказом от нее, З.Я. Тураева переходит к одному из наиболее сложных и неоднозначно трактуемых вопросов текстовой проблематики — вопросу референции художественного текста.

В Главе 2 «Лингвистическая демагогия и лингвистика лжи», помимо «расщепленной референции», определяющей особенности природы «как бы мира» художественного текста, в сферу авторского интереса вовлекаются актуальные проблемы языка как инструмента социального взаимодействия, языкового манипулирования и прагматики лжи, «коррупции языка» и демагогического искажения действительности.

В поисках ответа на фундаментальный вопрос лингвистики и логики — вопроса истины и ложности референции З.Я.Тураева уделяет особое внимание лингвистическим и экстралингвистическим средствам актуализации искусства социальной демагогии: полноте и неполноте информации, искусству номинации, эксплуатации грамматических категорий и приемов аргументации. То, что теория аргументации и теория лингвистической демагогии, некогда преданные забвению, сегодня «переживают вторую молодость», автор отчасти объясняет нравами современного социума: «Искусство демагогии в наши дни постоянно совершенствуется. Злоупотребления языков становятся рутинной практикой, а неприятные истины одеваются в одежды, которые скрывают то неприятное, что они содержат» (с. 36).

В высокоинформативной Главе 3 «Лингвистика текста и категория модальности» З.Я. Тураева, отдавая должное дисциплине, проблемам которой она посвятила многочисленные научные труды, выделяет «магистральные линии» ее исследования (с. 40). Все они свидетельствуют об органичности включения лингвистики текста в современный антропоориентированный научный контекст и в очередной раз подтверждают обоснованность тех мнений, которые некогда упрекали эту дисциплину в неопределенности предмета исследования, пророчили ей недолговечность, а в самом термине «лингвистика теста» ощущали близость к концептуальному распаду. Текст интересен Тураевой как средство общения языковых личностей, каждая из которых обладает субъективным видением объективного мира и отличается формирующими это видение смыслами и ценностями, как средство воздействия на получателя, способное изменить модель мира в его сознании (с. 39).

Оправданность такого подхода доказывается не только тем, что структура и манифестация языковой личности определяют «классическую проблематику соотношения языка и мышления, языка и действительности, языка и социального взаимодействия» (с. 44), что априорно позволяет отнести эту проблему к числу извечно актуальных, но и процессом гуманизации лингвистики, ее сближением с когнитологией. Эти изменения в траектории движения современной лингвистики З.Я. Тураева называет и причиной роста интереса к категории модальности, которую рассматривает как понятийную и «всеобъемлющую» категорию, «поглощающую целевую коммуникативную установку автора и категорию оценки» (45), в частности, оценку истинности.

В категории модальности, по мнению автора, обнаруживают себя интегрирующие свойства текста, в котором, через языковую личность (творящее текст Ego), воплощаются и «разные стороны языка», и изучающие их «разные парадигмальные составляющие лингвистической науки» (44). Обращаясь к такому компоненту структуры категории модальности, как оценка истинности, автор подчеркивает отсутствие полного изоморфизма между модальностью текста и модальностью высказывания. В художественном тексте, где сочетаются отражательная и креативная установки, а фиктивные сущности соответствуют интенционалам языка и не всегда предполагают завершенность в виде экстенционалов, высказывание, справедливо отмечает З.Я. Тураева, может быть экстенционально ложным, но интенционально истинным. Из этого следует важный вывод: уместно говорить не о жестком противопоставлении истинного ложному, а о приоритете одного значения над другим (с. 46), например, о приоритете реального над ирреальным и наоборот. Мысль автора о том, что эти значения категории модальности участвуют в создании новой системы координат, в новом осмыслении бытия» (с. 47), не только убеждает в широком понимании категории модальности, но и напоминает о ведущей роли лингвокреативного начала в процессах концептуализации и вербализации вымышленных понятий.

В этой же главе предлагается описание и намечаются перспективы разработки средств текстовой модальности, затрагивается вопрос полимодальности (с. 49), содержится ряд оригинальных типологий, как то типология текстов (с. 46—47), основу которой формирует приоритет реального или ирреального (ср. социальный и готический роман) или типология контекстов (фондов) для анализа категории модальности (с. 51—54). Последнюю типологию автор, последовательно осмысляя текст как акт познания, именуется «типологией правил описания модальных ситуаций», определяющих характер познавательных процессов (с. 54).

Главы 4 «Этнопсихологические особенности адресованности текста» и Глава 5 «Адресат как воплощение культуры и этноса» посвящены актуальным аспектам интерпретативной семантики текста. Интерпретацию называют сегодня действенным пониманием. Выводы З. Тураевой о значимости интерпретанты как составляющей акта семиозиса, о выдвигании на передний план эстетики адресата (с. 56), об адресате как о «неотъемлемом компоненте текста (проявлении его антропоморфизма)» и той силе, которая формирует семантические характеристики текста (с. 57, 68) подтверждаются всем ходом развития научной и литературно-критической мысли. В широкой исторической перспективе она, как известно, отказывается от идеи пассивной реконструкции авторских смыслов в пользу идеи их активного конструирования интерпретатором-соавтором.

В фокусе глав 4 и 5 оказывается адресат и категория адресованности, которую автор характеризует как прагма-семантическую (с. 69), синтезирующую общее и частное, универсальное и характерное только для данного социума (с. 58). Ключевые для осмысления этой категории понятия интерпретационной программы, сигналов адресованности и стратегии адресованности анализируются З.Я. Тураевой с позиций этнопсихологических и типолого-генетических характеристик адресата, в которых проявляются особенности культуры (с. 66).

Реализуя методологические установки современной гуманитаристики, автор настаивает на необходимости социокультурной контекстуализации знания о тексте, ищет в адресате «печать культуры и этноса», не мыслит текст без системы культурных кодов, игнорирование которых исследователем, как предостерегал Ю.М. Лотман, превращает текст в «надпись надгробную на непонятном языке».

Обладание определенным тезаурусом, знанием широкого исторического контекста, специфических реалий культуры, особенностей той психологии и того менталитета, которые обретают художественное воплощение в тексте, — все эти условия глубинного проникновения в текст (глубинной интерпретации) блестяще иллюстрируются в главе на примерах из классической поэзии и лучших образцов отечественного кинематографа.

В XX в. в результате переосмысления теоретических основ гуманитарного знания исследовательская мысль обратилась к идеям двусубъектности гуманитарного мышления, коммуникации и диалогу, диалогическим сторонам слова и диалогическим обертонам текста, диалогам языков, культур и стилей, т.е. к множественным проявлениям текстовой открытости. Художественный мир стал осмысляться как «сплошь диалогизированный» (М. Бахтин). Отражая эти реалии, Глава 6 «Интертекстуальность и единство культуры» сосредотачивает внимание читателя на явлении, концептуальную базу которого сформировали бахтинские принципы диалогизма — явлению интертекстуальности.

З.Я. Тураева трактует интертекстуальность как конституирующий принцип текстопорождения, понимая ее широко, но не отказывая тексту в референциальных свойствах и не замещая его самодостаточность, подобно последователям постмодернизма, авторитетом других текстов (Ильин). Универсализм идеи интертекстуальности автор подтверждает многообразием ее конкретных проявлений. Цитаты, образы, аллюзии, языковые проявления сближения и расхождения жанров в пределах функционального стиля, языковые маркеры синкретизма стилей или вторичности жанров (76—77), — все сигналы интертекстуальности рассматриваются как средства ее идентификации текстовым пространством, т.е. свидетельствуют о необходимости соотнесения интерпретативных и структурных параметров текста.

Название и содержание Главы 7 «Перелистывая страницы. Образ науки и культуры на рубеже тысячелетий» заставляют вспомнить слова Ю.С. Степанова о том, что сущность языка открывается лишь философскому взгляду. Размышляя о судьбах теории текста и филологии в целом, намечая магистральные линии исследования словесного искусства для современного ученого (с. 92), З.Я. Тураева обращается к широкому научному и культурному контексту, связывает перемены в филологии с общенаучными и общекультурными переменами. «Филологическая наука, пишет Тураева, не может стоять особняком. Она полностью антропологична и строится вокруг картины мира, находящейся в сознании носителей языка» (с. 86). К свидетельствам антропологического поворота автор относит идеи когнитивистики и диалогизма, понимание текста как «продукта, порожденного языковой личностью и адресованного языковой личности», а интерпретации текста — как способной открыть путь к сознанию языковой личности через воссоздание ее языковые способности, идей и идеалов (с. 91). Антропомерностью науки автор объясняет и интегративный характер исследований художественного текста, абсолютно антропоцентричная природа которого прогнозирует выход лингвиста в область психологии творчества и психологии восприятия, прагматики и герменевтики, стилистики и прочих гуманитарных дисциплин (с. 90—91).

Важным направлением эволюционных общекультурных процессов, определяющих образ современной науки о тексте, автор называет движение от идей структурализма и понимания текста как самодостаточной структуры к «новой парадигме мышления», утверждающей в качестве методологических и ценностных ориентиров пантекстуализм и концептуальное рефлексирование. «Последний период Нового времени» (Gildner), как определяют постмодернизм, объявляет войну основам и академическим началам, лишает истину ее объективного обоснования (с. 87), а в

одном из наиболее известных «направлений» — деконструктивизме, критикует логоцентризм, бросая вызов традиционной интерпретационной технике и по сути постулируя нечитаемость текста (с. 88—89). Констатируя, что постмодернизм показывает человека существом смятенным, разорванным и лишенным целостности (с. 87), З.Я. Тураева находит этому объяснение, в очередной раз подчеркивающее неразрывную связь человека и мира: «Он таков, так как он живет в сложном, вероятностном, распадающемся мире» (с. 87).

Четыре из последующих глав книги — 8, 9, 11 и 10 — посвящены анализу произведений классической и современной литературы. В них З.Я. Тураева видит порождение мастера слова и способ объективации уникального авторского видения мира. Художественный текст как диалог между когнитивными субъектами, как средство воздействия на когнитивную систему адресата с целью изменения его картины мира и его самого как части мира формирует один из наиболее интересных лейтмотивов книги. Отдавая должное интерпретативному характеру современного познания и не отрицая важности для познания языка (Ср.: онтология воспринимаемого мира в значительной мере определяется языком, который рисует этот мир (с. 115)), как и в предыдущих главах, автор включает знание о тексте в широкий контекст современной культуры с доминирующими в ней художественными течениями и социальными процессами.

Анализ произведений, вынесенных на суд читателя книги, убеждает в том, что в мире эстетической действительности находят отражение и вечные истины, и суетные проблемы повседневной жизни.

Метаморфозы, которые происходят с романтическими героями Шекспира в циничную эпоху постмодерна (Глава 8. Путешествие с Шекспиром: другие времена, другие жанры); ксенофобия и «чужест» иной культуры, с которыми сталкивается героиня английской писательницы китайского происхождения Сяолу Го в попытке обрести собственную идентичность (Глава 9 «Язык и когнитивная картина мира: „Краткий китайско-английский словарь для возлюбленных“»); взаимоотношения природы человека и общества в творчестве О. Бешенковской (Глава 11 «Стихи на песке»); вера в вечную жизнь искусства в сочетании с ощущением трагизма собственной жизни в поэзии Цветаевой (Глава 12 «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед») — все это многообразие тем, сюжетов и образов убеждает нас в действенности литературы, ее способности приобщить человека к миру через приобщение к культуре, научить понимать Другого, воспитать душу.

Особый интерес представляет Глава 10 «Русский язык в диаспоре». Как и остальные главы, она, бесспорно, подчинена научным интересам автора — проблемам языка, мышления и культуры, однако, теоретические рассуждения подкрепляются в ней ссылками на личный опыт З.Я. Тураевой, проживающей ныне в Германии. «Основным инструментом» (с. 119) интеграции в чужую культуру автор называет язык принимающей стороны, поскольку овладение им помогает иммигрантам построить в сознании картину другого мира и тем самым избежать риска «потерять себя», оказавшись оторванным от родного языка и родной культуры. З.Я. Тураева описывает разнообразные формы развития российско-германских связей, отмечая, что вклад русофонов в этот процесс качественно отличен от вкладов иных языковых общин, поскольку предполагает не столько знакомство с «чужеземной экзотикой» (с. 122), сколько создание культурных институтов, основным продуктом которых является язык. В качестве примеров автор ссылается на Всемирную ассоциацию русскоязычной прессы, международные конкурсы поэзии на русском языке, фестивали бардовской песни, поэтическое общество IBYKUS, председателем конкурсного жюри которого является сам автор, и пр.

Книга Тураевой, бесспорно, относится к лучшим образцам отечественной научной литературы. Название книги отражает смысл существования ученого — стремление к истине, к поиску сути вещей. Эти поиски, присутствующие в авторских рассуждениях и принадлежащие разным временным периодам, позволяют читателю делать выводы об эволюции взглядов ученого, который никогда не утрачивал живой

связи с наукой. Простота и убедительность изложения сложных научных проблем, охватывающих разные области гуманитаристики, гарантируют книге широкую аудиторию. Хочется обратить внимание и на то присущее истинному русскому интеллигенту чувство сопереживания, которое наполняет все рассуждения автора о судьбах человека и языка, науки и литературы, культуры и мира.

И.А. Щирова

© Щирова И.А., 2016